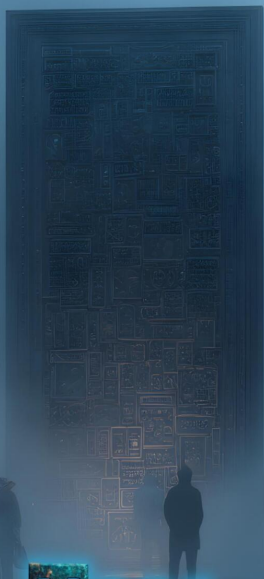

SUNNY GREENHILL

ТАМ,
ЗА
ПОРОГОМ

Sunny Greenhill

Там, за порогом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72031903

SelfPub; 2025

Аннотация

Посреди тихого провинциального городка возникает загадочная Дверь, покрытая странными символами. Никто не знает, что за ней. Но это не останавливает добровольцев, решившихся на шаг в неизвестность.

Обычные люди один за другим переступают порог: учёные и домохозяйки, подростки и искатели приключений – никто не в силах устоять перед зовом неведомого.

Каково это – встретиться лицом к лицу с тайной? Рискнёшь ли ты всем, чтобы первым ступить на Terra Incognita? И сможешь ли ты вернуться прежним оттуда, где не ступала нога человека?

Sunny Greenhill

Там, за порогом

Пролог

Мейвилл – крошечный городок, затерянный где-то посреди среднего запада, словно забытая в книге времени закладка. Его улочки, вымощенные потёртой брусчаткой, петляют мимо домов с облупившейся краской и заборами, обвитыми диким виноградом, к центральной площади, где жизнь течёт лениво, предсказуемо – как сон под шёпот ветра в кукурузных полях. Здесь всё будто застыло в янтаре повседневности: скрип старой калитки, запах выпечки по утрам, ржавый велосипед, навечно прислонённый к стене почтового отделения.

Здесь каждый знал каждого, и каждый знал, чего ждать от завтрашнего утра.

До того самого дня.

Ничто не предвещало перемен. Солнце светило не ярче обычного и ветер не нёс никаких необычных запахов. Но в воздухе, как позже скажут, витала странная дрожь – невидимая, как перед грозой.

Том Брукс, владелец антикварной лавки на углу, привычно распахнул жалюзи, протёр стекло тряпкой, бросил взгляд на площадь... и замер, увидев её.

Дверь.

Она стояла прямо в центре площади, словно вырезанная из самой реальности. Массивная, тёмная, почти чёрная, с переливами металлического блеска и тонкой патиной, как на старинной иконе. Её поверхность была испещрена узорами: завитками, символами, знаками, от которых порой щемило в висках, будто в них таился смысл, знакомый душе, но ускользающий от разума.

Том вышел на улицу. Сделал несколько шагов и остановился в двух шагах от неё, щурясь от утреннего солнца. Сердце стучало неровно, будто подсказывало – это не просто дверь. Это что-то инородное. Он протянул руку и коснулся металла. Холодный, как лёд. Реальный. Не мираж, не видение.

– Джордж! – крикнул он через плечо, не оборачиваясь. – Иди сюда... Ты должен это увидеть.

Из дверей бакалеи на другой стороне вышел Джордж Уил-

сон – долговязый, с редкими волосами, зачесанными назад, и усталыми глазами человека, много повидавшего, но не утратившего здорового скептицизма. Он вытер руки о поношенный фартук, взглянул – и остолбенел.

– Чёрт возьми, – пробормотал он, подходя ближе. – кто-то над нами издевается?

– Думаешь, это розыгрыш?

– Или арт-объект. Хотя... – Он провёл пальцами по резьбе. – Это... слишком... – он замолчал. – Слишком по-настоящему.

Первые зеваки появились уже через пару минут. А потом толпа начала собираться, как летние тучи перед грозой. Старушки с сумками, подростки на велосипедах, школьный учитель, репортёр, мать с ребёнком на руках – люди стекались к Двери, влекомые неизвестностью и возможностью чем-то разбавить унылые будни.

Они не знали на что смотрят. Но не могли отвести глаз.

Вскоре вся площадь гудела, как потревоженный улей. Кто-то выкрикивал теории про порталы пришельцев, кто-то с пеной у рта доказывал, что это рекламная кампания но-

вого сериала. Мужчина в шапке из фольги, завсегда с собой собраний местных конспирологов, уверял, что видел подобное в архивных снимках Зоны 51. Женщины переглядывались, перешёптываясь о древнем зле. Пахло леденцами, жареным беконом и тревогой.

Шериф Джон Ривз, невысокий, крепко сбитый, с лицом ковбоя, который слишком долго смотрел на солнце, вышел вперёд. Его ботинки глухо стучали по плитке, а рука привычно тянулась к рации.

– Разойдитесь! – хрипло скомандовал он, сурово глядя на толпу. – Не трогайте её. Мы пока не знаем, с чем имеем дело. Это может быть опасно.

Но никто не уходил.

Джек Харпер, молодой инженер, стоял на краю толпы, вглядываясь в Дверь, словно пытаясь решить сложнейшее уравнение. Его разум отказывался принимать её как физическую константу. Материя не ведёт себя так. Она не появляется из воздуха. Но эта Дверь... она есть. И с каждым взглядом Джек чувствовал, как в нём шевелится нечто большее, чем логика – тревожное, иррациональное предчувствие.

И тут вперёд вышла Лиза Беннет.

Журналистка. Упрямая, дерзкая, с диктофоном в сумке, привычкой задавать неудобные вопросы и взглядом, умеющим видеть то, мимо чего другие проходят мимо.

Её шаги были решительны, хотя сердце и сжималось от страха. Всё её нутро кричало, что это – не просто заголовок, не просто история. Это реальность, которая может быть очень жестокой. Но если она не сделает шаг первой – кто тогда?

– Лиза, стой! – крикнул кто-то из толпы, но её рука уже тянулась к ручке.

И повернула её.

Скрип – долгий, гулкий, как плач умирающего дерева – разнёсся по площади. Наконец Дверь открылась... в густой туман. Он клубился и переливался, будто живой. Внутри него мелькали тени – силуэты, лица, формы, которых не должно быть. И всё это затягивало, манило, пугало.

– Невероятно... – прошептала Лиза. – Это что-то... иное.

С тех пор Мейвилл не знал покоя.

В течение нескольких дней он превратился в точку притяжения вселенского любопытства. Учёные, блогеры, исследователи паранормального, репортёры – все ехали, чтобы увидеть Дверь. Хештеги заполнили соцсети. Местные кафе не справлялись с потоком посетителей, гостиницы бронировались на месяцы вперёд.

Забытый всеми городок посреди кукурузных полей стал центром новой реальности.

Но никто так и не решился войти в туман.

Пока.

Глава 1

Центральная площадь Мейвилла, некогда шумная и оживлённая, теперь словно затаила дыхание. Её, также как и прежде, окружали скамейки, облупленные фонари и выцветшие вывески лавок, но звуки – смех, шаги, музыка – исчезли. Вместо них тут царила тишина. Нетерпеливая, плотная, как перед поднятием занавеса первого акта долгожданного спектакля. Среди потрескавшейся плитки, там, где весной цвели клумбы и резвились дети, стояла она – Дверь.

Высокая, под два с половиной метра, с матовой металли-

ческой поверхностью, словно бы вплавленная в пустоту. Она казалась чужой – фрагмент иного мира посреди тихой провинциальной обыденности. Её обрамляли странные узоры: витиеватые линии, символы – напоминающие одновременно и древние письмена и электрические схемы. Они пульсировали в глазах, будто жили собственной жизнью.

Джек Харпер стоял в полуметре от Двери. Молодой инженер, вечно растрёпанный, с запятнанным блокнотом под мышкой и глазами, в которых смешались расчёт и растерянность. Он вглядывался в структуру металла, надеясь заметить шов, трещину, подсказку. Но не находил ничего. Только безупречная поверхность и едва уловимое ощущение, что тебя изучают в ответ.

Он не верил в чудеса. Его воспитывали числа, формулы, логика и здравый смысл. Но Дверь ломала все правила, будто сама материя нарушила договор с реальностью. И чем дольше он смотрел, тем сильнее становилось ощущение, что перед ним – не загадка, а приглашение.

– Всё ещё не осмелился войти? – раздался знакомый голос.

Он обернулся.

К нему шла Лиза Беннет – спокойно, будто действительность перед ними не дала трещину. Светлая рубашка развеивается на ветру, взгляд сосредоточен, губы сжаты, но в глазах – тот же свет, который он заметил в первый день. Не просто журналистский азарт, а жажда проникнуть в самую суть.

– Я думала, ты уже вскрыл её отвёрткой, – сказала она, улыбнувшись.

– Всё ещё пытаюсь понять, с какой стороны подступить-ся, – ответил Джек, кивнув на Дверь. – Она не похожа ни на одну конструкцию, которую я когда-либо видел. Она... существует вне нашей логики.

Лиза остановилась рядом. Камера покачивалась у неё на боку, как дополнительный орган восприятия. Она уже записала десятки интервью с очевидцами, сделала сотни снимков. Но с Джеком она позволила себе быть просто наблюдателем.

– А может, это и есть её задача – сбивать нас с толку, – прошептала она. – Пугать. Манить.

Их взгляды встретились, и на мгновение тишина между ними стала глубже. Это был не просто разговор двух знакомых – это был заговор двух душ, вставших плечом к плечу

перед неизвестностью.

Он помнил, как всё началось. Лиза подошла к Двери в самый первый день, когда толпа ещё не осмеливалась приближаться. Не сказала ни слова. Просто подошла... и коснулась узорчатого металла. И ничего не произошло.

Именно этот жест, смелый, почти детский в своей наивности, изменил всё. Он увидел в ней не просто репортёра, а исследователя, как он сам.

Когда же она открыла Дверь и смело заглянула в неё он понял, что нашёл родственную душу.

С тех пор они изучали Дверь вместе. Он – с расчётами, чертежами и приборами. Она – с интуицией, камерой и чутким сердцем. Он видел структуру, она – смысл. Он искал ответы в уравнениях. Она – видела подтекст. И вместе они чувствовали зов.

И теперь, стоя рядом, они оба знали: Дверь изменит всё.

И если кто-то и должен войти в неё первым – то, возможно, именно они.

Ночью Джек не спал.

Сон, если и приходил, был зыбким, беспокойным, словно тонкая вуаль, сквозь которую просачивалось нечто иное. Он брёл по беззвучному, молочно-серому туману – плотному, дышащему, внутри которого медленно проступали миражи: горы, светящиеся изнутри, будто сделанные из стекла, наполненного молниями; города, нависающие над звёздной бездной, с башнями, которые изгибались под невозможными углами; и фигуры – высокие, невесомые, без лиц, но с глазами, в которых отражалось ночное небо, полное чужих созвездий.

Каждый раз Джек просыпался с резким вдохом, будто выныривал из глубины; с пересохшим горлом и стуком сердца, отдающемся во всём теле, как набат. Он садился на край кровати, закрывая лицо ладонями, и долго сидел в тишине, ощущая только одно: неодолимую тягу вернуться к Двери.

Утро наступило внезапно. Серое, плотное, безветренное.

Джек не стал завтракать. Плеснул в потрескавшуюся кружку дешёвый растворимый кофе, отпил – как лекарство,

от которого ждёшь не вкуса, а эффекта, – и вышел.

Воздух, густой как кисель, накатывал волнами зноя, но Джек этого не чувствовал. Всё его внимание, всё его существо было направлено на одно: дойти до площади.

Лиза уже была там.

Она стояла у старого фонаря, в тени, тонкая, сосредоточенная, словно нарисованная углём на выцветшем небе. Камера свисала у неё с плеча, но взгляд был направлен прямо на Дверь – пристально, неотрывно, будто она пыталась заглянуть сквозь поблёскивающий в утреннем свете металл, узоры на поверхности которого сплетались в рябящую в глазах мозаику: спирали, руноподобные символы, линии, напоминающие контуры неизвестных карт. Стоило отвести от них взгляд и казалось, что они движутся.

– Ты снова здесь, – сказала Лиза, не поворачивая головы.

– Я не мог иначе, – Джек подошёл к Двери и провёл рукой по её поверхности – осторожно, почти интимно. Металл был таким же холодным, с еле ощутимой вибрацией под пальцами. Будто в её недрах работал неведомый механизм.

– Я думаю о ней всё время. Даже во сне. Будто она срос-

лась со мной.

Лиза тоже подошла к Двери и повернула голову к Джеку. В её глазах была тревога – тёмная, как морская глубина, – но и решимость. Та, что толкает людей плыть на край света, забегать в горящие здания и выходить за грань известного.

– Мне кажется, мы стоим на пороге чего-то великого, – сказала она. – Не просто открытия, не просто сенсации. Это – граница. И если мы её пересечём... назад пути не будет.

Она говорила тихо, почти шёпотом, словно боялась, что Дверь услышит.

– Может быть, – ответил Джек, вглядываясь в ускользающие от разума узоры. – Но если за ней что-то есть... если это не просто артефакт, а вход в другой мир – мы должны знать.

Они замолчали. Над площадью пролетел ветер – тёплый и сухой, как дыхание раскалённой печи. Дверь отозвалась низким звуком. Даже не звуком – вибрацией в костях, как аккорд органа, гудящий на грани слышимости.

– Мы должны подготовиться, – сказала Лиза. – Я хочу войти... но не без плана. Мы не знаем, что нас ждёт.

– Мы соберём команду, – кивнул Джек. – Людей, которым можно доверять. Готовых ко всему. И вернёмся. Обязательно.

Он посмотрел на неё, впервые по-настоящему. Не как на коллегу, не как на журналистку, а как на спутницу, с которой можно идти хоть за край мира. И увидел в её глазах отражение того же огня, что жил в нём.

А Дверь... молча ждала. Но в этом молчании слышалось ожидание. Будто она знала, что её скоро откроют.

На следующее утро Джек и Лиза отнесли в редакцию местной газеты короткое, но будоражащее воображение объявление:

«Требуются добровольцы для участия в исследовательской экспедиции. Цель – изучение недавно появившейся аномалии. Ищем специалистов, готовых к неизвестности. Храбрость, рассудительность и командный дух обязательны».

Объявление, к их немалому удивлению, произвело не меньший эффект, чем выстрел в тишине. И отклик оказался

МГНОВЕННЫМ.

С самого утра в небольшое кафе в двух кварталах от за- таившей дыхание площади, потянулся людской поток. Здание с облупленной вывеской, пахнущее корицей и жареным сыром, ещё вчера было местом разговоров о погоде, урожае и налогах. Теперь же оно стало вратами в мир решимости, храбрости и надежды.

Люди приходили парами и поодиночке. Садись, ози- рались, словно потеряли свою тень, вытаскивали из су- мок, рюкзаков, карманов помятую страницу с объявлени- ем. Некоторые держались спокойно, другие не могли скрыть дрожи в голосе или напряжённого блеска в глазах. Молодые и старые, уверенные и потерянные – они приходили, чтобы сказать: я готов.

Джек и Лиза сидели у окна, за угловым столом, откуда бы- ло видно половину улицы. Их блокноты заполнили торопли- вые записи, на полях пестрели наброски и пометки. Они пи- ли кофе – уже не ради вкуса, а чтобы держаться на плаву, и раз за разом всматривались в лица. Ища не просто помощ- ников, а тех у кого есть внутренний стержень, кто не отсту- пит, когда за туманом откроется бездна.

Некоторые приходили ради славы, другие – ради бегства

от самого себя, были и просто любопытствующие. Но среди множества пустых лиц время от времени появлялись те самые: Люди, в чьих голосах слышалась не бравада, а глубинное, тихое согласие встретиться с неизведанным.

Первым, кто по-настоящему поразил их, стал доктор Эрнест Хэнсон.

Высокий, с густыми седыми волосами, в твидовом пиджаке с заплатами на локтях и тяжёлой сумкой, он походил не столько на учёного, сколько на одержимого исследователя, пережившего десятки экспедиций. Его глаза были ярко-голубыми, живыми, и в них горел юношеский восторг, будто он всю жизнь ждал этой встречи.

– Джек. Лиза, – сказал он, усаживаясь за их столик. Голос – мягкий, но уверенный. – Я всю жизнь искал выход за границы привычного. Я изучал земные разломы, вулканы, движения плит, но теперь понимаю: самая важная граница – не под ногами. Она здесь. Прямо перед глазами. С детства мечтал об открытии, которое изменит всё. И теперь я чувствую: этот момент настал.

В Хэнсоне ощущалась не только мудрость прожитых лет, но и жажда открытий, с которой редко сталкиваешься даже в самых юных – мудрый наставник, уставший, но не разоча-

рованный.

Джек переглянулся с Лизой.

– Доктор Хэнсон, мы искренне рады. Нам нужен не просто учёный. Нам нужен человек, способный увидеть то, чему не учат в университетах.

Хэнсон польщённо улыбнулся.

– Благодарю. И за добрые слова и за эту возможность.

Они пожали друг другу руки и в этот миг экспедиция обрела своего первого участника.

Следом в кафе буквально ворвался Майкл Рид.

Молодой, с вечно лезущей в глаза чёлкой, из рюкзака которого торчали провода, линзы и какие-то странные детали. Он не сел – он разложился: на столе оказались планшет, схемы, миниатюрные маячки и устройство, похожее на игрушку пришельцев.

– Вот что я предлагаю, – сказал он, ни на секунду не

сомневаясь что его выберут. – Компактные разведывательные дроны-трансформеры. Продвинутые маячки навигации. Шифрованная локальная сеть, способная работать без внешнего сигнала. Система автономна, адаптивна. И если там, по каким-то причинам, не будет связи – я создам свою.

Он был из тех, кто говорит быстро, думает ещё быстрее, а живёт – будто одновременно в нескольких измерениях.

Лиза усмехнулась, слегка откинувшись на спинку стула, глядя на него сквозь пар над чашкой.

– Ты как будто уже был по ту сторону, – сказала она. – И просто вернулся за оборудованием.

– Я люблю загадки, – просто сказал он. – А эта... самая великая в моей жизни. Я не мог пройти мимо.

Джек рассмеялся – коротко, искренне.

– Добро пожаловать в команду, Майкл. Мы их тоже любим.

Третьим стал Том Венс.

Тишина вошла вместе с ним. Та, что наступает там, где появляется кто-то, чья тишина значит больше, чем слова. Его осанка, взгляд, разворот плеч говорили сами за себя: ветеран, привыкший к тому, что жизнь и смерть – просто варианты реальности. Он вошёл не как человек, которого выбирают. А как тот, кто уже выбрал.

Тёмная футболка в обтяжку, военная выправка, глаза, в которых меньше эмоций, чем в дуле автомата, но куда больше спокойствия.

– Я не ищу приключений, – сказал он после пары минут молчания. – Я ищу смысл. После службы всё кажется слишком мирным, слишком... обыденным. Если за Дверью действительно нечто иное – я хочу быть там. И если будет нужно – сделаю всё, чтобы мы оттуда вернулись.

Он говорил правду, и это чувствовалось сразу.

Джек посмотрел на него с уважением. В этом человеке он увидел стальной стержень, то чего не достичь изучая теорию. То, что можно выучить только там, где ошибка – это смерть.

– Том, – тихо сказал он. – Ты именно тот, кто нам нужен... если всё пойдёт не так, как мы планируем.

– А оно точно пойдёт не так, – отрезал тот с лёгкой усмешкой.

Появление Сары Ардайл было словно глоток прохладной воды после долгого, пыльного дня. Она вошла в кафе тихо, почти незаметно, разливая в воздухе вокруг себя спокойствие. Тонкая, собранная, с медсумкой через плечо. Волосы собраны в нетугой хвост, лицо слегка уставшее, с едва заметными тенями под глазами. Но взгляд – живой, ясный. И в этом взгляде – не только опыт, но и сострадание, которое не стёрлось даже после того, как жизнь многократно показывала ей свои худшие стороны.

– Я не представляю, что нас ждёт там, – тихо сказала она. – Знаю лишь: вам нужен врач. И не просто врач, а тот, кто не побоится действовать под огнём – в прямом и переносном смысле. Я готова к полевым условиям, работала в чрезвычайных ситуациях, знаю, как сохранить жизнь при тяжёлых ранениях. – На секунду в её голосе промелькнула тень воспоминаний, но она не позволила им проявиться. – Я собрала аптечку на все случаи – даже те, которых мы не можем предвидеть.

Лиза, позволив себе короткую улыбку, с благодарностью кивнула.

– Мы будем чувствовать себя спокойнее, зная, что ты с нами, – сказала она, и в этих словах было больше, чем благодарность. Доверие.

Затем к ним присоединилась Анна Грэхем.

Она выглядела так, словно всё её существо пропиталось тишиной старинных библиотек и ароматом выцветших страниц. Рыжие волосы, коротко подстриженные, взгляд – тихий, изучающий. Светлая кожа с веснушками, глаза – серые, словно осеннее небо. Во взгляде – только спокойное внимание. На рюкзаке – нашивки: «Всё великое начинается с вопроса» и «Знание – лучшая броня».

В руках она держала потрёпанный томик в кожаной обложке, на корешке которого серебрились истёртые буквы. Собрание старинных легенд, которые больше никто не читает. Для неё же – путеводитель по мирам и голосам прошлого.

– Я не учёный. Не солдат. Я просто люблю истории, – сказала она, – особенно те, что начинаются с шага в неизвест-

ность. Я изучаю мифы, фольклор, древние хроники. Порой кажется, что мы всё это уже слышали – просто забыли. Может быть и Дверь – не случайность. А возвращение к истокам.

Джек молча смотрел на неё так, будто услышал знакомую из глубин сна мелодию.

– Иногда сказки – это карта, – сказал Джек. – Если ты умеешь читать между строк и видеть связи, которые другим не заметны – это то что нам нужно.

Анна кивнула – не в знак согласия, а в знак понимания. Она знала зачем пришла.

Так, под гул кофемолки и скрип деревянного пола, среди ароматов марципана и яблочного пирога, в этом углу реальности, где ещё звучали привычные фразы, но уже чувствовалось приближение иного, собиралась команда.

Не герои. Просто люди. Каждый со своей болью, своими мечтами, своей тенью.

Но вместе они стали чем-то большим. Единым сплавом из разных личных качеств: из усталости и выдержки, из разума и сердца, из потерянных надежд и зарождающихся мечт. Из

сердца, которое хочет поверить, и разума, который требует доказательств.

И всё это ради одного: первыми сделать шаг за порог.

В кафе, где ещё вчера обсуждали, кто с кем развёлся, почему у новых булочек не тот вкус и сколько нынче просят за старый трактор, теперь звучали слова, от которых по коже пробежал холодок – не от страха, а от осознания: «координатная стабилизация», «вектор отклонения», «изолированный контур», «точка невозврата».

За выдавшими виды столиками, в окружении чашек с недопитым кофе и стопками исписанных листов, рождалась история – не газетная, а та, что однажды станет шёпотом у костров и главами будущих учебников.

Мир за окнами продолжал жить в своём ритме: дети гоняли мяч по потрескавшемуся асфальту, в булочной поджаривались хлебцы, а газонокосилки равномерно стрекотали, напоминая, что трава не перестаёт расти, даже когда на город опускается неведомое.

Но за стеклом, в пахнущем лимоном и тревогой полу-

мраке, кипела работа. Джек и Лиза, будто дирижёры сложнейшей симфонии, держали всё в руках: логистику, списки, карты, чертежи, гипотезы, закупки. Они спорили о способах экстренного возврата; обсуждали как разделить запасы и оборудование. И всё это время в углу стояла доска с раз и навсегда выведенной крупными буквами надписью:

«Всё может пойти не так. Подготовься!»

С каждым днём в воздухе сгушалось напряжение. Оно было почти физическим – как озон в воздухе перед бурей. Прохожие, раньше спешившие мимо, теперь замирали у окон кафе, надеясь уловить смысл ведущихся там разговоров. Некоторые приносили еду, другие – старые армейские фляги, третьи – пачку новых батареек. Старушка из соседнего дома, молчаливая и сгорбленная, протянула Лизе связанный ею шарф и прошептала: «Он тёплый. Там, где вы будете, может понадобиться нечто своё, домашнее».

А рядом, у самой площади, рос стихийный лагерь – наполовину ярмарка, наполовину паломничество. Палатки из армейского брезента и полиэтиленовой плёнки, всевозможные флаги, закреплённые на чём придётся, костры, от которых тянуло резиной и сосновыми шишками. Кто-то пел под

гитару, кто-то собирал подписи под петицией «закрывать эту чёртову штуку», а кто-то – просто молчал, глядя в сторону Двери, будто ждал, что она заговорит.

Именно оттуда, из суеты и гомона, однажды вынырнул Мюррей Сальтр – городская легенда, с лицом, возраст которого затёрся слишком многими стаканчиками бурбона. За ним, с философским равнодушием, трусила его гончая – старая, пепельно серая, по кличке Гектор, с глазами, в которых, казалось, отражалась вся усталость Вселенной.

– Любая экспедиция берёт собаку, – заявил Мюррей, облокотившись на стойку. – Гектор чувствует беду. Он завыл в тот день, когда моя бывшая вернулась за вещами. Думаю, это знак.

Гектор, лениво вздохнув, растянулся у его ног, как будто всем своим мохнатым телом сообщал: если там будет диван – я за.

Лиза не сдержала смеха, а Джек, склонившись, почесал псу за ухом и сказал:

– Подумать точно стоит. Иногда лучшая интуиция – на четырёх лапах.

Так, день за днём, на перекрёстке обычного мира и тайны, шла подготовка к экспедиции в иномьявь.

Люди, которым хватало смелости не отводить взгляд, которые знали, что страх это не повод отступить, а лишь причина держаться крепче друг за друга, в этих стенах – с запахом кофе и кожаных переплётгов, постепенно превращали их отчаянную мечту в карту путешествия в неведомое.

И когда в следующий раз Дверь распахнётся...

Они будут готовы.

Однажды, в тёплый, чуть ветреный вечер, когда небо над Мейвиллом налилось мягким, акварельным светом – медным, розовым, местами фиолетовым – дверь кафе скрипнула. Не громко, но отчётливо, как вступительный аккорд перед неожиданным поворотом истории. Вместе с запахами влажных листьев и дорожной пыли, внутрь вошёл человек.

Даже на фоне потемневших от времени стен, среди выцветших абажуров и тусклых ламп, он выглядел пришельцем из другой эпохи. Высокий, сутуловатый, в пальто, которое знавало лучшие дни, с кожаным портфелем, покрытым се-

тью трещин и потёртостей, словно картой забытых дорог и несуществующих стран.

Незнакомец остановился у стола, где Джек и Лиза уже несколько часов чертили маршруты, сверяли схемы и спорили над списками, окружённые чашками с остывшим кофе и бумагами, густо исписанными расчётами и вопросами без ответов.

– Добрый вечер, – произнёс он негромко, но отчётливо, с лёгкой хрипотцой, голосом привыкшим к уважительной тишине аудиторий. – Меня зовут Питер Марлоу. Я историк. Моя специальность – исчезнувшие цивилизации, их символика, письменность и ритуалы. И... я слышал о вашей экспедиции. Думаю, я мог бы вам пригодиться.

Джек оторвался от блокнота и поднял взгляд. Лиза слегка наклонилась вперёд, изучая гостя с тем пристальным интересом, с которым обычно смотрят на забытый артефакт.

Перед ними стоял человек худощавый, с тонкими пальцами, привычными к перелистыванию хрупких страниц. На его лице читались бессонные ночи и тысячи часов, проведённых среди полок библиотек и в лабиринтах древних языков. Очки в тонкой оправе, потёртый ворот пальто, портфель – всё в нём было словно из прошлого, но глаза светились решимо-

стью человека, живущего настоящим.

– Присаживайтесь, – сказал Джек, указывая на свободный стул у окна. – Расскажите подробнее.

Питер сел прямо, как ученик на уроке; поставил портфель на пол, сцепил руки на столе перед собой и заговорил спокойно и ясно:

– Я изучал шумеров, майя, цивилизации долины Инда, древние народы Океании и племена, чьи имена давно исчезли в тени веков. Во многих мифах, легендах, древних текстах я встречал упоминания о «переходах», «вратах между мирами», о хранителях, которые открывают и закрывают двери между измерениями. До сих пор это воспринималось как красивые, но бессмысленные метафоры. – Питер едва заметно улыбнулся, кивнув в сторону окна, за которым в сумерках чернела Дверь. – Но теперь я думаю, что столкнулся с реальностью, скрытой за этими словами. Я могу помочь разобраться кто это здесь оставил. И почему.

Лиза медленно выдохнула, её рука с ручкой застыла над бумагой.

– У нас уже есть кое-какие данные, найденные на поверхности Двери. Узоры, орнаменты, спиральные группы симво-

лов. Никто не знает, что это: язык, код или какая-то древняя формула...

– Я не обещаю сразу найти ответы, – осторожно перебил её Питер, – но гарантирую, что буду искать их с упорством моряка, который плывёт за край карты не ради золота, а чтобы понять, что там – за горизонтом.

Джек взглянул на Лизу. Она едва заметно кивнула – и в этом движении было больше, чем согласие: принятие и облегчение. Он протянул Питеру руку.

– Добро пожаловать в команду, Питер. Ты пришёл именно тогда, когда нужно.

И Питер, впервые за вечер, позволил себе улыбнуться. Улыбка была робкой, неловкой – но в ней чувствовалась подлинная благодарность того, кто шёл к Двери всю свою жизнь.

Позже, уже в сумерках, они вышли из кафе вместе. В воздухе висела лёгкая морось, прозрачная, едва ощутимая. На далёкой ратуше тихо и задумчиво зазвонил колокол.

Дверь всё так же висела посреди площади – неподвижная,

молчаливая, величественная, словно вырезанная из ночи.

Питер, подняв воротник своего пальто, тихо сказал, глядя на неё:

– Странное чувство... Как будто не мы нашли её, а она нас.

– Так, наверное, и есть, – прошептала Лиза, не отрывая взгляда от Двери.

Джек молчал, но повисшую между ними тишину наполняло общее понимание: прежний мир закончился, и каждый шаг теперь будет шагом по ту сторону.

Они стояли рядом, втроём, под низким сумеречным небом, осознавая с каждой секундой всё яснее:

Назад дороги уже нет.

С каждым днём накал страстей вокруг таинственной Двери рос, словно прилив, накатывающий беззвучными, но неотвратимыми волнами на хрупкий берег привычного. Центральная площадь Мейвилла – ещё недавно сонная,

провинциально тихая, наполненная уютом свежеиспечённого хлеба и воркованием голубей – теперь напоминала импровизированный лагерь.

Люди приходили отовсюду – поодиночке, целыми семьями; с термосами, палатками и одеялами, с надеждой и страхом в глазах. Местные вперемешку с приезжими обсуждали догадки и слухи, строили теории, глотая слова так же нервно, как горячий кофе в пластиковых стаканчиках.

Воздух загустел от смеси пыли, жары и ожидания. В нём явственно ощущался особый электрический привкус перемен, знакомый каждому, кто хоть раз стоял на пороге судьбоносного решения.

Джек стоял перед Дверью, слегка ссутулившись от усталости – физической и внутренней, но взгляд его был твёрдым. Солнечный свет разбросал по её поверхности блики, будто играл с высеченными в металле символами. В руках он держал большую плетёную корзину, в которой был свежий хлеб, вяленое мясо и металлический термос с горячим бульоном. Её дал ему старик, всю жизнь проживший на краю города, с выцветшими от времени глазами.

– Мы верим в вас, – тихо сказал он, когда передавал корзину, крепко пожав Джеку руку. Его голос слегка дрожал,

словно потрёпанный парус на ветру. – Возвращайтесь с ответами... или хотя бы живыми.

– Мы сделаем всё возможное, – ответил Джек. И в этой фразе не было бравады – только искреннее обещание тем, кто ждал когда с неизвестности сдёрнут полог... и себе.

Он оглянулся. Толпа колыхалась, как поле под ветром, но из неё легко выделялись знакомые лица. Его команда. Люди, с которыми он собирался шагнуть в неведомое.

Лиза стояла чуть в стороне и сосредоточенно настраивала объектив своей камеры. Пальцы её двигались привычно, механически, но напряжение в уголках губ выдавало беспокойство. Она знала, как запечатлеть историю. Теперь же стала её частью.

Доктор Хэнсон, высокий, с туго затянутым галстуком и выражением учёной скептичности, молча листал свои записи, делая пометки на полях. Ветер шевелил страницы его блокнота, а он аккуратно придерживал их рукой, бормоча себе под нос:

– Я изучал аномалии всю жизнь, но никогда не думал, что однажды окажусь так близко... к тому, что невозможно объяснить... пока не шагнёшь внутрь.

Неподалёку Сара аккуратно перекладывала медицинские принадлежности из сумки в походный рюкзак. Её движения были отточены, как у хирурга, но в глубине глаз пряталась усталость, которую не скроешь под улыбкой.

– Хотелось бы надеяться, что всё это не понадобится, – сказала она, пересчитывая ампулы в жёстком футляре. – Но лучше ошибиться в сторону готовности.

Лиза тихо подошла к ней, не говоря ни слова, мягко коснулась плеча и между ними пробежала искра молчаливого понимания. Они осознали, что отправляются не в путешествие, а на испытание их сил и возможностей.

Последние дни они практически жили в маленьком кафе на углу площади – старом, со стенами, хранящими тепло многих поколений. Его окна с облупленными рамами и витражами, на которых выцветшие от времени краски рассказывали о далёком прошлом, выходили прямо на площадь, где стояла Дверь. Здесь, на витражах, застыли улыбающиеся дамы в изысканных шляпках и джентльмены с аккуратными усами, из паровозных труб валит клубящийся пар, а в воздухе, казалось, висел аромат давних дней – едва уловимый,

пропитанный ванилью и ностальгией.

Когда-то здесь обсуждали новые рецепты и ссоры соседей. Теперь – структуру реальности.

Стены были завешаны картами, диаграммами, рукописными заметками. Один угол завален ящиками с оборудованием. На полках рядом с книгами – рации, компасы и зарядные станции. А в витрине, рядом с потускневшими серебряными ложечками и кружевными салфетками, лежали пожелтевшие блокноты, страницы которых были заполнены вперемешку математическими расчётами, списками снаряжения и личными заметками вроде: «Не забыть тёплые носки».

Официантки приносили кофе уже не спрашивая, а местные, заходя внутрь, говорили не "добрый день", а "что нового?".

Джек и Лиза занимали столик у самого окна, и отражение Двери, словно мираж, тонко проступало на поверхности стекла, будто наблюдало за каждым их движением. Их блокноты были исписаны до краёв. Рядом лежал сложенный планшет с планами разбивки лагеря и списками всего что нужно взять обязательно, а без чего можно обойтись.

Но даже в этом тревожном ожидании, кафе оставалось

средоточием уюта. Здесь по-прежнему звучал смех, пусть и с оттенком нервного напряжения. Здесь спорили, планировали и готовили мир к великому прыжку, заедая неопределённость плюшками с изюмом.

Снаружи дети рисовали мелом на дороге странные фигуры, вдохновлённые узорами на поверхности Двери. Кто-то принёс переносной проигрыватель, и трескучий джаз срывался с пластинки, будто воспоминание о простом и понятном, уходящем навсегда, мире.

На скамейке рядом с кафе сидела пожилая женщина с серым вязаным покрывалом на коленях. Её губы шевелились в тихой молитве, а взгляд, полный затаённой мольбы, не отрывался от тёмного прямоугольника Двери, будто женщина молилась не только за тех, кто собирался пройти внутрь, но и за сам город, за его прошлое и будущее.

У дверей кафе дежурил Мюррей Сальтр – тот самый городской чудак с фляжкой и вечной сигарой, торчащей из кармана рубашки. Он усадил рядом свою гончую Гектора, с обмотанной платком цвета выцветшего апельсина шеей.

– Пёс чует беду, – тихо сказал он, поглаживая Гектора по голове и всматриваясь в даль задумчиво и серьёзно. – И ещё – бобров. Но беду – в первую очередь.

Гектор, видимо, согласившись, зевнул, растянулся у ног хозяина и положил морду на лапы.

Ветер тихо прошелестел по площади, пробежал между столиками и палатками, зашуршал страницами брошенных на брусчатку газет.

А Дверь всё так же молча стояла посреди площади, исполненная зловещего величия. Но в её молчании был слышен зов, от которого невозможно отмахнуться. И каждый в душе понимал – скоро придёт время на него ответить.

Однажды вечером, когда закат окрасил небо в глубокий фиолетово-розовый, словно художник провёл по холсту последним мазком длинного дня, а кафе наполнилось мягким светом, густым, как мёд, и тишиной, в которой слышалось только тихое позвякивание чашек, шелест бумаги да жужжание ноутбука, Лиза сидела у окна. Её лицо наполовину скрывалось в тени, а на столе перед ней лежала стопка заметок, диктофон и тетрадь с загнутыми уголками. Она задумчиво перебирала записи – словно пытаюсь проникнуть за вуаль заключенных в них мыслей, воспоминаний и тревог.

Прохладный ветер раскачивал висящую над входом гирлянду из лампочек, отбрасывая на пол дрожащие тени. Со стороны площади доносился приглушённый шум лагеря, похожий на дыхание многоглавого живого существа.

– Джек, – тихо произнесла она, не отрывая взгляда от убористо исписанных листов, – может быть, эта Дверь как-то связана с древними мифами? Легендами? Что, если то, что мы называем «необъяснимым», просто знание, которое мы забыли?

Он сидел напротив, за засыпанным чертежами и схемами столом. Покачивающаяся над ним лампа подчёркивала морщинки усталости в уголках глаз. Он медленно поднял голову, уловив в её голосе не просто вопрос, а стремление понять.

– Когда имеешь дело с неизвестностью – ничего нельзя исключать, – признал Джек, глядя ей прямо в глаза. – Но я всё таки надеюсь найти объяснение, укладываемое в логику. Пространственный сдвиг, временная петля... звучит менее поэтично, но всё же более разумно.

Лиза саркастически усмехнулась. Она верила, что истина может быть и рациональной, и сакральной. Что-то в Двери не поддавалось расчётам – и именно это её и притягивало.

В этот момент, как будто прочитав их мысли, Майкл поднял голову от своего ноутбука. Его глаза были уставшими, как у человека, просчитавшего все варианты и не нашедшего среди них ответа.

– А если Дверь просто ведёт в другой мир? Что если за ней не какие-то чудеса или иной слой реальности, а... другая планета... ну или параллельная вселенная. Со своими законами. Со своей жизнью. И вполне может статься, что мы окажемся там незваными гостями.

Его слова повисли в воздухе звенящей тишиной, заставив каждого задуматься о таком варианте.

Питер сидел недалеко от Майкла, перелистывая страницы древнего манускрипта. Он поднял взгляд от полустёртых иероглифов и произнёс возвышенно, почти торжественно:

– Если мы встретимся с иной цивилизацией, – сказал он, – придётся говорить языком, понятным без слов – символы, ритмы. Иногда смысл передаётся не речью, а формой, повторением, знаком, который пробуждает определённые ассоциации.

Джек молча кивнул. Он чувствовал, как с каждым днём груз ответственности на его плечах становится всё тяжелее:

не только за успех предстоящего перехода, но и за жизни тех, кто доверил ему свои судьбы. Он прислушивался ко всем – не из вежливости, а потому что знал: любая, даже случайная, идея может стать спасительной.

– Нам нужна простая, но надёжная система сигналов, – сказал Том, не отрываясь от снаряжения, которое он разбирал и проверял в углу. Его голос звучал спокойно и уверенно, как у человека, для которого опасность – всего лишь часть жизни. – Если кто-то попадёт в беду, он должен иметь возможность быстро позвать на помощь.

– Отличная идея, – откликнулся Джек, поворачиваясь к Майклу. – Сможешь разработать?

Майкл кивнул, оживившись, и его пальцы забегали по клавиатуре с новой энергией.

– Уже работаю над этим. Думаю, к моменту отправки у нас будет готовый прототип. Маленькие модули с инфракрасным маяком и вибросигналом, которые можно положить в карман или прикрепить к одежде.

Лиза взглянула на Майкла с благодарностью и чуть заметным интересом – не журналистским, а человеческим.

В этой комнате, среди бесконечных чашек кофе, обсуждений и споров рождалось нечто большее, чем план экспедиции – доверие и взаимное уважение. Вера в то, что вместе они смогут пройти сквозь Дверь. И вернуться.

Снаружи последние отсветы заката растворились в ночи, уступив место глубокому бархату неба, усеянному мерцающими звёздами. На площади стало тихо, и только отдалённые голоса и треск костров в лагере напоминали, что город ещё не спит.

А в кафе ещё долго горел свет. И шелестели страницы. И пылко бились сердца.

Каждый новый день приносил с собой всё больше вопросов, словно сама реальность, играя в какую-то странную игру, постепенно приоткрывала завесу очередной тайны, но не позволяла увидеть полной картины. И всё же вместе с тревогой росла и надежда. Осторожно, понемногу, прячась в мелочах: в уверенном движении руки, затягивающей ремень рюкзака; в коротком, полном открытости и понимания, взгляде.

Все чувствовали: момент приближается. Как запах грозы перед дождём, как боль в груди перед прыжком в бездну. И

каждый понимал: шаг в Дверь изменит не только их жизни.

Подготовка к экспедиции с каждым днём обростала всё новыми сложностями и списками того, что нельзя забыть. Джек и Лиза практически не спали. Их дни и ночи слились в бесконечный цикл планов, расчётов, проверок, сверок.

Свет в окнах кафе горел до глубокой ночи, отбрасывая на тротуар янтарные прямоугольники. Ветер гонял по мостовой опавшие листья, кружа их в маленьких, танцующих вихрях, и в их тихом шорохе слышался тревожный шёпот приближающихся перемен. Прохожие замедляли шаг, бросая любопытные взгляды на окна, за которыми творилась история, но никто не входил внутрь, словно чувствуя: эти вечера принадлежат тем, кто решился стать первым.

Джек сидел, уткнувшись в исписанный блокнот, глаза бежали по цифрам, схемам и протоколам, словно пытаясь разглядеть за ними будущее. Его плечи были напряжены, но взгляд оставался твёрдым и пронзительным. Он не жаждал славы и признания; ему было нужно лишь одно – понять. Понять, почему в мире, существующем по чётким законам, возникло нечто, бросающее вызов самой сути вещей.

Лиза сидела напротив, разложив перед собой стопки пожелтевших от времени газет, папки с вырезками и докумен-

тами, старые справочники и архивные распечатки. Её волосы были уложены в небрежный узел, а под глазами залегли тени бессонных ночей, но она не замечала этого в попытках найти среди них подсказку из прошлого.

Иногда, в редкие минуты передышки, Джек поднимал глаза и смотрел на неё. Лиза, не замечая этого взгляда, водила пальцем по краю чашки, в которой давно остыл кофе. И в эти мгновения – эфемерные, будто искры – он чувствовал с пугающей ясностью, как многое стало зависеть от неё. Не только благодаря камере в её руках. Её интуиция, её вера в смысл происходящего – тоже стали частью их пути.

Он хотел сказать что-то важное. О том, что он просыпается по ночам в холодном поту, чувствуя, будто за Дверью не просто другой мир, а что-то, способное изменить его до неузнаваемости. Что можно быть храбрым – и всё равно бояться.

Но слова были слишком большой роскошью для таких искренних, тихих вечеров. Он просто улыбался ей. Усталой, тёплой, настоящей улыбкой. Лиза ловила его взгляд и улыбалась в ответ – с благодарностью и, не нуждающемся в словах, пониманием. И в этом молчании между ними рождалась Тишина перед великим шагом.

А за окном темнело. Площадь постепенно погружалась в ночной мрак, нарушаемый лишь шорохом ветра в опавшей листве.

А Дверь всё так же стояла на своём месте. Безмолвная. Чужая. Ждущая, когда её, наконец, решатся открыть.

Том, с присущей ему железной дисциплиной бывшего морпеха, превратил лесную окраину Мейвилла в тренировочный полигон. Под пологом высоких сосен, среди щебетания птиц и далёких отголосков города, он проводил ежедневные тренировки слаживания команды. Здесь, в пропитанном смолистой хвоей и парной землёй, воздухе не было места романтике. Только практика. Только подготовка. Только совершенствование навыков.

На широкой, утопанной их шагами, поляне, участники экспедиции учились быстро ставить палатки, маскировать лагерь, ориентироваться по звёздам и тактике действий в условиях возможной угрозы. Том с самого утра был в движении – в чёрной футболке, плотно облегающей тренированную фигуру, и с армейским ножом на поясе. Его движения были выверены и точны, как у человека, для которого выживание давно стало рефлексом.

– Я не в восторге от того, что мы идём туда вслепую, – сказал он в очередной раз, стоя у сваленных в кучу влажных веток, из которых ученики тщетно пытались извлечь огонь. Его голос, ровный, без резких интонаций, был твёрд как сталь. – Но у нас нет выбора. Мы должны быть готовы ко всему. За порогом может быть другой климат, другая гравитация; чёрт побери, может потребоваться даже иная логика поведения. Я не прощу себе, если кто-то из вас пострадает из-за незнания элементарных основ.

Он опустился на одно колено, поджёг тонкую щепку, подложил её под тщательно приготовленную растопку, и вскоре из под его рук вырвался язык пламени – непоседливый, яркий, как знак силы природы, подчинённой неслышимой воле, оживив лицо Тома отблеском золотистого тепла. И в этот миг Джек, стоявший неподалёку, увидел в нём не просто сурового бывшего солдата. Он увидел мужчину, знающего истинную цену ошибки и не позволяющего себе демонстрировать страх, но теперь Джек знал: им двигает боязнь потерять кого-то из команды.

На другом конце поляны, на грубо сколоченном деревянном столе, Сара терпеливо показывала группе, как оказать первую помощь в экстремальных условиях. Её руки, тонкие, но сильные, двигались с привычной грацией врача, привык-

шего действовать быстро и точно, что является критически важным в ситуации когда секунды решают судьбу человека.

Перед ней лежали бинты, шины, антисептики и простейшие инструменты. Сара накладывала повязку на воображаемую рану на предплечье Майкла, объясняя, как остановить кровотечение подручными средствами, как использовать обычную куртку в качестве жгута, как избежать переохлаждения и обезвоживания.

– Надеюсь, вам не придётся применить эти знания, – сказала она, глядя на лица вокруг. – Но, поверьте, лучше знать и не использовать, чем не знать и потерять друга или погибнуть самому.

Она не повышала тон – и от этого её слова звучали ещё весомее.

Солнечный свет, пробивавшийся сквозь листву, ложился на её плечи золотыми пятнами. В её движениях не было показного героизма – только профессионализм и внутренняя стойкость. Та, что держит руку на пульсе, когда остальные теряют голову.

Питер и Анна сидели на поваленном бревне на опушке, вслушиваясь в тихий голос Сары. Анна что-то записывала в

блокнот – обрывки мыслей, страхи, впечатления. Питер молчал, его взгляд был устремлён вдаль, за деревья, туда, где начнётся их путь в неведомое.

Всё происходящее стало не подготовкой, а прощанием с привычной жизнью. Тела учились справляться с трудностями, разум адаптировался к неизбежности грядущих испытаний, страх укладывался в более глубокие, управляемые слои. Это было как затишье перед бурей: вокруг тишина и покой, но внутри уже гремят барабаны и гудят трубы скорой атаки на неизвестность.

И каждый шаг, каждая тренировка, каждый разговор – были не просто частью плана. Они были присягой. Себе. Друг другу. Будущему.

Анна практически поселилась в местной библиотеке. В старом кирпичном здании с облупленной лепниной и вычурными чугунными решётками на окнах царил полумгла – солнечный свет с трудом пробивался через мутные стёкла, оставляя на полу и деревянных полках шафрановые росчерки. Здесь пахло пылью, кожей, чернилами и временем.

Анна сидела за массивным дубовым столом, погружённая

в шуршание страниц. Вокруг неё громоздились древние фолианты в кожаных переплётках, справочники, сборники мифов и малоизвестных преданий. Стопки книг то и дело грозили рухнуть, но со стороны эта хаотичная конструкция казалась построенной вместе с библиотекой.

Свет от лампы мягко подчеркивал бледность её щёк и оставлял медные отблески в, рассыпавшихся по плечам, рыжих волосах. В руке – верная ручка, которой она, с аскетичной одержимостью средневекового летописца, выводила заметки на листах пухлого помятого блокнота. Каждое слово, каждый найденный символ приближали её к истине, которую она ощущала кожей: это уже происходило. Где-то. Когда-то.

– Я убеждена, что в прошлом уже случались подобные вещи, – сказала она однажды вечером, когда Джек и Лиза пришли в библиотеку. В её голосе звучала негромкая, но непоколебимая уверенность. – Смотрите, – она развернула перед ними книгу с пожелтевшими страницами, испещрёнными убористым почерком. – Здесь говорится о "порогах между мирами", которые "открывались, когда звёзды опускались к дрожащей от снов земле". Легенды о странных явлениях, исчезновениях, вратах в туман. Всё повторяется.

Лиза, затаив дыхание, молча листала хрустящие от вре-

мени страницы. Её пальцы скользили по таинству строк, и сердце стучало всё быстрее. Слова, казалось, поднимались со страниц и обвивали мысли, как туман – холодный, липкий, завораживающий.

– Здесь так много совпадений... – продолжила Анна, указывая им на даты, имена, странные символы и рисунки в своём изрядно потрёпанном блокноте – мысленной карте её странствий в лабиринте истории. – Как будто всё это не просто древние сказки, а предупреждения. Закодированные послания, оставленные теми, кто уже через это проходил.

Джек стоял чуть поодаль, скрестив руки на груди. Он молчал, но в глубине его глаз угадывалось то же чувство, что и в голосе Анны: интуиция, не имеющая логических оснований, но кричащая – да, ты что-то понял. Ты рядом.

– Значит, мы не первые, – наконец произнёс он, не отводя взгляда от книги. – И если это так... может быть, кто-то уже узнал, как обращаться с Дверью. Или... что с ней делать нельзя.

Анна медленно кивнула, сжав в руках, хранящий бесценные тайны прошлого, фолиант.

– Мы должны понять, что случилось с теми, кто проходил

через такие двери. Если мы найдём следы их шагов, мы, возможно, сможем избежать их ошибок.

За окнами расправляли крылья сумерки. Анна, Джек и Лиза стояли среди стеллажей с застывшим в чернилах прошлым, не зная как выразить в словах осознание того, что их путь начался задолго до того как они решили на него ступить.

Тем временем обстановка в Мейвилле всё больше напоминала грозовую тучу, нависшую над сонным горизонтом провинциальной жизни. Ещё недавно тихая, сонная площадь у ратуши, где даже мухам было лень летать, теперь кипела как котёл.

Люди стекались сюда с рассветом и оставались до позднего вечера, надеясь, что именно сегодня произойдёт нечто решающее; что однажды они смогут рассказать: «Мы были там, когда это началось». Приезжали и из соседних городов, притянутые, как мотыльки к пламени, загадочной Дверью, стоящей посреди мира и казалось сделанной из самого Ничто.

Пахло жареным мясом, кофе и нервным электричеством предвкушения сенсации. Площадь гудела, как улей. Кто-то

спорил, размахивая газетами, кто-то молился, стоя на коленях в пыли. Молодежь снимала сэлфи на фоне Двери, старики же молчали с настороженностью, знакомой тем, кто пережил больше, чем хотел бы помнить.

Шериф Джон Ривз, загорелый и сдержанный, как старый дуб, переживший не один ураган, стоял у оцепления, с опаской наблюдая за этим балаганом. Раньше он улаживал бытовые ссоры, решал споры между соседями и гонял пьяниц из бара. Теперь же охранял портал в чёрт его знает куда. Привычный мир ускользал у него из под ног.

Он провёл рукой по подбородку, где щетина кололась, как сухая трава, и поправил ремень с рацией.

Он усилил патрулирование, выставил дополнительные ограждения, расставил конусы и таблички. Но всё это выглядело так же нелепо, как зонтик против урагана.

– Шериф, а что ты обо всём этом думаешь? – раздался рядом хрипловатый голос Генри Мэддокса, издателя городской газеты, человека, для которого Мейвилл был не просто домом, а сутью жизни.

Генри стоял, навалившись обеими руками на трость, взгляд его был усталым, но цепким. Он не просто ждал от-

вета – он искал в словах шерифа опору.

Ривз долго молчал. Солнце медленно опускалось за крыши, окрашивая край неба в выцветшее золото, как старую фотографию.

– Честно говоря, Генри... – сказал шериф, не отводя ключего взгляда от Двери, чья поверхность отливала неземным блеском даже в сгущающихся сумерках, – я не знаю, что думать. Каждый день я жду, что она исчезнет так же внезапно, как появилась. Но она остаётся. И с каждым часом мне кажется, будто она не просто стоит, а... смотрит. – Он перевёл взгляд на Генри. – Мы обязаны быть осторожными. Здесь слишком много вопросов, а ответов – чертовски мало.

Он положил руки на барьер, и его пальцы сжались на холодном металле. Где-то позади прозвучал детский смех – будто из другой реальности.

Ривз посмотрел на старика, затем снова на Дверь, и в его глазах впервые появилось нечто большее, чем тревога. Это была растерянность.

– Я просто хочу, чтобы мои люди были в безопасности. А тут... я даже не понимаю, от чего их защищать.

Он снова посмотрел на Дверь, как солдат на неприятеля, готовящегося к штурму границы. На лице шерифа не было страха, только усталость и безмолвная клятва: если всё рухнет, он падёт последним.

Генри кивнул. Его губы дрогнули, будто он хотел что-то сказать, но передумал. Вместо этого он просто положил руку на плечо старого друга.

– Может, всё ещё образуется, – сказал он наконец. – А может и нет. Но я рад, что ты здесь, Джон. Всё-таки город должен знать, что кто-то остался на своём посту.

Шериф кивнул в ответ, не находя слов. Он и сам понимал – пока тут стоит Дверь, его работа – демонстрировать всем, что закон и порядок по прежнему в силе и смогут всех защитить, даже если реальность начала трещать по швам.

В тот вечер над Мейвиллом поднялся сильный ветер, холодный и влажный, пахнувший скорой бурей и переменами. И Дверь, стоящая в самом сердце города, казалась ещё темнее на фоне заходящего солнца – как зияющая рана в теле мира, что вот-вот начнёт кровоточить.

Небо над Мейвиллом окрасилось в мягкие, акварельные тона заката, а облака, вытянутые в тонкие рваные полосы, напоминали следы, оставленные крыльями огромной птицы. Свет лился с небес неспешно, плавно растекаясь по стенам домов, деревьям и тротуарам, лаская город прощальным жестом уходящего дня, а воздух был тёплым, с лёгким привкусом остывающих крыш и далёкого дыма.

Центральная площадь почти опустела. Люди, уставшие от ожидания и напряжения, разбрелись по домам, но самые упорные стекались в небольшое кафе, ставшее сердцем города и приютом для всех, кто искал ответы. Его окна призывно светились, отбрасывая вытянутые прямоугольники света на тротуар, где ветер лениво гонял кленовые листья, и на капот старенького "форда", криво припаркованного на тротуаре.

В уютном полусвете звякали ложечки о фарфор, гудела кофемашина, из приоткрытой кухни доносились ароматы ванили и корицы. Потёртые деревянные столики у окна были покрыты картами, схемами, чашками и окружены склонившимися над ними людьми. Местные жители притихли: кто-то читал газету, кто-то рассеянно курил, но почти все украдкой слушали разговор Джека и Лизы.

В глазах окружающих они стали первопроходцами, теми, кто уже решился сделать шаг, пока остальные ещё барахта-

ются в объятиях сомнений.

Они были словно две стороны одной монеты. Джек – сосредоточенный, с напряжённой линией плеч, указывающей на внутреннюю работу мысли. Лиза – подвижная, живая, чья лёгкая взбалмошность шла рука об руку с её решимостью.

На столе между ними стояли две чашки с остывающим кофе, тонкие завитки пара всё ещё вились над коричневой поверхностью напитка. Нетронутый кусочек яблочного пирога разметал сдобные крошки по салфетке и бумагам под ней.

Лиза, облокотившись на край стола и положив подбородок на сжатый кулак, смотрела в пыльное окно, за которым мир окрашивался в аметистовые тени приближающейся ночи.

– Как думаешь, Джек... удастся ли нам найти хоть что-то определённое там, по ту сторону? – спросила она не рассчитывая на что-то конкретное, просто мысли в слух.

Джек поднял голову от схем и посмотрел на неё – долго, внимательно. Он видел, как в её взгляде пульсирует внутренняя борьба между страхом и верой. И вместо дежурных уверений просто молча улыбнулся, немного криво, но искренне.

– Я не знаю, что мы найдём, – с расстановкой произнёс он. – Всё, что мы узнали до сих пор, говорит о том, что тут нет простых ответов. Но если мы будем вместе – если будем доверять друг другу, – мы справимся.

Тут где-то в вечернем воздухе снаружи прозвенел велосипедный звонок. И этот звук на миг вернул их к миру, который ещё жил обычной жизнью.

Лиза перевела на него взгляд и кивнула; лёгкая улыбка тронула уголки её губ. В её глазах впервые за долгое время вспыхнула тихая, тёплая искра, похожая на свет далёкой звезды в холодной ночи.

– Спасибо, – прошептала она. – Знаешь... странное чувство... будто нас уже ждут.

Город за окном сонно ворочался и вздыхал порывами ветра, несущего по улицам первые листья ранней осени. В мягком же свете пропахшего табаком и кофе, наполненного людьми зала их союз с каждым днём становился крепче, превращаясь в настоящую дружбу.

А Дверь в центре площади будто ждала.

И знала: скоро.

В последние дни перед походом Лиза решила встретиться с Анной наедине. Они выбрали для этого сад за домом Анны – уголок мира, затерянный среди старых фруктовых деревьев, где время будто вязло в тёплом воздухе, становясь тягучим, как мёд.

Старые яблони, с искривлёнными ветвями, отбрасывали кружевную тень на скрипучую деревянную скамью, покрытую облупившейся зелёной краской, от которой веяло летними полднями детства. Пахло свежей землёй, полынью и терпким ароматом перезревших яблок, которые, налившись, едва держались на ветвях. Где-то неподалёку, в густой листве, отчаянно чирикал воробей, нарушая глубокую, задумчивую тишину.

Лиза сидела, скрестив ноги, с блокнотом в руках, но ничего не записывала – просто смотрела на Анну, ощущая в этой девушке нечто, что не давало покоя. Интуиция подсказывала: за её скромностью и тихим голосом скрывается куда больше, чем видно с первого взгляда.

– Скажи, Анна, – её голос почти растворился среди шелеста листвы, – что движет тобой в этой экспедиции? Почему

ты решилась? Что заставляет тебя идти навстречу неизвестности?

Анна на мгновение задумалась, опутив взгляд на свои руки, сложенные на коленях, и только потом подняла глаза, в которых плескалась охряная глубина.

– Я всю жизнь искала чего-то большего, – сказала она, облокотившись о спинку скамьи. – чего-то... за гранью объяснимого, – она вздохнула, глядя, как сквозь ветви пробивается солнечный луч. – Я... всегда верила, что знание живёт не только в лабораториях и архивах. Иногда оно прячется в легендах, в тенях прошлого. И если мы не попробуем его найти – оно уйдёт навсегда. Временами мне кажется, что я родилась с ощущением, что за привычной реальностью есть и другая, настоящая. И что я, как будто, её помню. Не разумом, а, наверное, душой.

Она отвела взгляд и посмотрела сквозь кроны яблонь в небо, где лениво плыли тонкие облака.

– А потом появилась Дверь, – продолжила она тише. – И всё внутри меня сказалось: "Вот оно". Будто весь путь вёл к этому моменту. Возможно, мы не вернёмся. Но... что, если мы откроем нечто такое, что изменит само понимание того, кем мы являемся?

Лиза слушала, не перебивая. Анна говорила не на публику, не для чьего-то одобрения. А словно у ночного костра или случайному попутчику в купе поезда: искренне, обнажённо, изнутри.

– Ты не боишься? – спросила Лиза тихо.

На лице Анны появилась еле заметная, как набросок, улыбка.

– Боюсь конечно. Но, знаешь... страх – это не повод останавливаться. Если тебе страшно, значит ты на правильном пути. Потому что настоящие вещи – они почти всегда пугают.

Лиза кивнула. Она знала этот страх – тревожный узел в груди, дрожь перед тем, как сделать шаг во тьму. Но она знала и другое: без этого шага ничего не изменить.

– Я понимаю, – сказала она наконец. – Знаешь, иногда мне кажется, что всё это... не случайно. Что это Дверь выбрала, кого позвать.

Теперь уже кивнула Анна. Ветер мягко взъерошил её волосы, и в этот момент она показалась Лизе не учёной, не

искательницей приключений, а частью мифа, который они вскоре собирались написать своими шагами.

Они сидели ещё долго, пока небо не потемнело, а сад не погрузился в полутени. И хотя разговор давно смолк, воздух между ними наполнился доверием и странной, пугающей, но прекрасной надеждой на то, что впереди – не конец, а начало.

Наконец наступил вечер перед отправлением – вечер, наполненный густым, почти физическим напряжением, таившимся в каждом взгляде, каждом вдохе. Мир за окнами кафе мерцал янтарным светом фонарей, а небо, окрашенное в сине-чернильные тона, было высоким и чистым.

Кафе на углу, ставшее их временным домом и штабом, светило мягким светом старых ламп, отбрасывающих на стены причудливые, как от волшебного фонаря, тени. Всё казалось нереальным – словно в театре, где актёры вдруг осознали, что играют не роли, а самих себя.

За заваленным разложенными картами, кипами распечаток и блокнотов, столом у окна собралась вся команда. Кто-то говорил тихо, почти шёпотом, кто-то хранил молчание,

вглядываясь в тени на потолке, будто ища там ответы. Каждый чувствовал: завтра всё изменится. Завтра – они ступят туда, где нет инструкций, нет гарантий, откуда, возможно, нет обратного пути.

Джек склонился над измятым, покрытым многочисленными пометками списком оборудования и методично ставил галочки напротив каждого пункта; его губы едва заметно шевелились, проговаривая названия вслух – как молитву или заклинание на удачу.

Лиза наблюдала за ним, сидя напротив, с чашкой остывшего чая в руках. Она смотрела на Джека не как журналист, ищущий сенсацию, а как человек, разделивший с ним общее время.

– Всё в порядке? – спросил Джек, отрываясь от бумаг. Его голос был спокойным, но Лиза почувствовала, как под поверхностью этого озера бурлят течения и водовороты.

Она кивнула, медленно, словно проверяя всё ещё раз про себя.

– Да, – твёрдо сказала Лиза. – Мы готовы отправляться.

Джек вздохнул и отложил список. Его взгляд скользнул

по лицам своих товарищей, в которых смешались волнение, усталость и тихая решимость. Сара возилась с аптечкой, тщательно проверяя каждый пузырёк. Майкл что-то настраивал в планшете, его пальцы быстро бегали по экрану, а брови сосредоточенно хмурились. Анна листала старую книгу, но взгляд её был обращён вглубь себя. Том стоял у окна, откуда открывался вид на дремлющую площадь и тёмную, неподвижную, будто отлитую из самой ночи Дверь.

Джек почувствовал, как всё в груди сжалось от странной смеси гордости и тревоги. Он знал: за порогом Двери может произойти что угодно. Но здесь и сейчас, в этом маленьком уголке реальности, он ощущал, что они являются не случайной группой людей, а связанной невидимыми нитями веры, долга и общей цели командой.

– Завтра мы откроем Дверь, – проговорил он негромко. – И узнаем, что за ней скрывается. Но помните: неважно, как страшно будет. Неважно, насколько всё пойдёт не так. Главное – держаться вместе.

Лиза поставила чашку на стол и выпрямилась. Её голос, спокойный и ясный, будто раздвинул стиснувшееся вокруг молчание:

– И не забывайте фиксировать всё, что увидите. Каждая

деталь, каждый звук, любая мелочь. Мы идём туда чтобы понять. И, возможно, изменить мир.

В наступившей после её слов тишине слышался лишь гул холодильника да затерявшийся где-то в глубине улиц лай собаки. Все задумчиво молчали, но каждый ощущал: эта ночь – рубеж, за которым их ждёт иная жизнь.

Это был не просто вечер. Это был эпилог одного мира – и пролог к другому.

На следующее утро, ещё до того как первые лучи солнца окончательно вытеснили сероватую дымку над крышами Мейвилла, команда собралась у разбитого на площади лагеря. Небо над городом медленно расцветало – из мягкой жемчужной серости проступали тонкие штрихи золота и янтаря. Воздух был прохладным, напитанным рассветной свежестью. С дальнего края леса доносился запах хвои, а ветви деревьев неподалёку лениво шевелились от лёгкого ветерка, принёсшего едва уловимый аромат скошенной травы, прелых листьев и костра.

Казалось сюда пришёл весь город – сотни глаз с тревогой и любопытством наблюдали за небольшой группой, занятых

последними приготовлениями, храбрецов.

Солнце медленно поднималось над горизонтом, окрашивая здания в тёплые, медовые оттенки и отбрасывая длинные тени на брусчатку площади. Но даже оно не могло развеять странное, исходящее от Двери ощущение холода.

Джек и Лиза подошли последними, перекидываясь короткими, ободряющими фразами с каждым, кто их приветствовал. Увидев, что остальные уже работают, они невольно обменялись взглядами, в которых были облегчение и гордость. Команда не просто была готова – она жила путешествием за грань.

Доктор Хэнсон, в твидовой куртке, из которой выглядывал аккуратный воротник рубашки, склонился над переносным столом, тщательно раскладывая свои инструменты. Его движения были почти церемониальными, словно он готовился не к полевому анализу, а к чтению гимна.

Чуть поодаль, окружённый коробками и кабелями, уткнувшись в ноутбук сидел Майкл. Лишь редкая мимолётная улыбка на его сосредоточенном лице выдавала, что и под панцирем логики и кода живёт предвкушение открытия.

Том, мускулистый и прямой, как стрела, стоял в стороне

от всех, проверяя оружие и тактическое снаряжение. Он не произносил ни слова, но каждое его движение говорило о внутренней собранности. Он то и дело поднимал глаза, как бы невзначай оценивая команду: готовность, концентрацию, моральное состояние.

В тени складного навеса, поставленного рядом с Дверью, Сара перебирала содержимое своих медицинских сумок. Йод, перевязочные материалы, адреналиновые шприцы, антидоты, бинты, зажимы, термальные одеяла. Её руки двигались спокойно, методично – и эта энергия разливалась по лагерю, как приглушённая музыка.

Когда все отчитались о готовности, Джек шагнул вперёд. Солнце уже успело взобраться над крышами, и его свет, просеянный ветвями деревьев, золотил края палаток и блестел на металлической поверхности Двери, будто напоминая: время пришло.

Его лицо, утомлённое бессонными ночами и бесконечным напряжением, всё же сохраняло ясность. В глазах отражалась не только уверенность, но и сдержанная тревога – он понимал, куда ведёт своих людей.

– Нам нужно сделать всё правильно, – сказал он, и в повисшей над площадью тишине его услышал каждый присут-

ствующий. – Мы не знаем, что нас ждёт за Дверью и должны быть готовы ко всему. Но если мы будем держаться вместе, если каждый из нас будет помнить, зачем мы это делаем, – мы вернёмся не только с ответами, но и, быть может, с ключом к изменению нашего понимания мира.

Он перевёл взгляд на Лизу, и та сделала шаг вперёд. Её голос был спокойным, но в нём слышались стальные ноты:

– Мы не должны забывать, как важна каждая деталь. Всё, что мы увидим, каждое движение, звук, цвет, запах – должны быть зафиксировано. Даже то, что на первый взгляд кажется бессмысленным. Мы идём туда не только как исследователи, но и как свидетели. И мы обязаны быть внимательными.

Никто не произнёс ни слова, но между ними – между Эрнестом и Томом, Майклом и Сарой, Питером и Анной, Лизой и Джеком – пронеслась неуловимая, почти осязаемая волна единства. Они стали командой. И в этом была их сила.

Налетел порыв ветра, заколыхал флаги и палатки, и на мгновение стало совершенно тихо – даже птицы умолкли.

Мир, в котором они жили до этого момента, отступил куда-то за полог ожидания чуда. Их жизнь разделилась на «до» и «после». И здесь, на грани, не осталось ничего случайного.

Только путь.

Когда всё оборудование было проверено и последние слова сказаны, к команде неторопливо подошёл шериф Джон Ривз. Его шаги были тяжёлыми, будто каждый из них нёс груз тревоги, с которой он смотрел на людей, собравшихся идти туда, откуда ещё никто не возвращался. На обычно простом и спокойном лице Ривза проступили новые тени, как у человека, который провожает родных в долгое, опасное путешествие, в которое сам отправится не может.

– Вы уверены, что хотите это сделать? – спросил он наконец тихо, почти с отчаянием и обвёл взглядом команду.

Джек посмотрел на Дверь, в тени которой любой вопрос звучал как пророчество, а затем перевёл взгляд на Лизу.

Она стояла рядом, молчаливая, сосредоточенная, с непоколебимым огнём в глазах. И он почувствовал, как его страх утихает – не исчезает, но становится управляемым. Сдерживаемым верой.

– Более чем уверен, шериф, – ответил он твёрдо. – Мы обязаны узнать, что ждёт нас по ту сторону. Ради всех, кто

ещё пройдёт через Дверь. Ради всех, кто остаётся здесь.

Ривз ответил не сразу. Он кивнул – с горьким, почти отеческим пониманием. И добавил, словно молитву:

– Удачи вам. И, пожалуйста... возвращайтесь.

Джек сделал решительный шаг к Двери. Металл её поблёскивал в утреннем свете, но не отражал ничего – ни домов, ни неба, ни лиц. Она казалась прорезью в ткани бытия, и чем ближе Джек подходил к ней, тем меньше был уверен, что она существует по тем же законам, что и всё вокруг.

Толпа замерла. Взрослые затаили дыхание, дети крепко уцепились за руки родителей.

Лиза приблизилась к Джеку. Её пальцы на секунду сжали его ладонь.

– Пора, – прошептала она судьбоносное слово обречённых идти.

– Вперёд... в неизвестность, – ответил Джек с лёгкой улыбкой и протянул руку к ручке Двери.

Холод металла пронзил его пальцы, но решимость Джека

не дрогнула.

Дверь открылась легко, без скрипа, будто ждала этого. Изнутри плавно выплыл серебристый туман – густой, живой, как дыхание пространства за порогом. Он обволакивал всё вокруг и в нём чудилось движение: тени, неясные силуэты, отголоски чего-то древнего и инородного. В лицо дохнуло холодом.

Один за другим члены команды молча выстроились перед Джеком.

Джек сжал руку Лизы. Она кивнула.

И шагнула первой.

Словно прорвав плёнку сна, она исчезла в тумане. Затем остальные – как звенья одной цепи. Анна, склонив голову, будто прощаясь с городом. Майкл, с искрящимися воодушевлением глазами. Том, без лишних движений, как военный на задании. Сара, проверяя на ходу застёжку своей аптечки. Эрнест, одной рукой поправляя очки, другой зажав перед собой блокнот. Питер, крепко держась за лямки рюкзака.

Они исчезали один за другим, унося с собой последние

секунды привычного.

Джек немного задержался в проёме, оглянувшись. В его глазах не было страха. Только печаль и надежда. Как у человека, который прощается не навсегда, а до новой главы.

А потом и он растворился в тумане.

Лицо шерифа Ривза окаменело. Только глаза – напряжённые, печальные – выдавали, как сильно он хочет поверить, что увидит этих людей снова.

Жители Мейвилла ещё долго стояли, не говоря ни слова. Из оставшейся открытой Двери продолжали расплзаться клубы тумана. Они змеились по мостовой, льнули к ногам.

В лицах оставшихся отражались все чувства, доступные человеческому сердцу: тревога, благоговение, боль, вера.

Они знали: человечество сделало первый решительный шаг.

Теперь оставалось только ждать.

Ждать возвращения. Ждать ответов. Рассвет за рассветом.

А по ту сторону начиналась совсем иная история.

Глава 2

Густой, вязкий туман сомкнулся вокруг них мгновенно, как только они пересекли порог. Он не просто заполнял пространство – он поглощал его, стирая грань между ощущением и реальностью, между "здесь" и "там". Казалось, они шагнули не просто за порог Двери, а в само межвременье.

Воздух был плотным, насыщенным электрической дрожью, от которой тонко зудела кожа. Он пах ничем и одновременно всем сразу: пеплом, озоном, дождём, старыми книгами и холодным металлом. Как если бы сама история, прокрученная вперёд-назад, оставила после себя этот странный, беспокойный аромат.

Привычные звуки исчезли. Остался только глухой, ватный гул в ушах. Каждый шаг дробился эхом как в огромном пустом зале: сухо, одиноко, со скрипом ботинок по, не имеющей ни цвета ни формы, каменно-мягкой земле.

Свет фонарей, цепляясь за мельчайшие частицы тумана, распадался на рассеянные конусы, в которых кружились пылинки... или нечто иное. Внутри них рождались тени: мигающие, изменчивые, как фрагменты чужих воспоминаний. Иногда Джеку чудилось, будто впереди промелькнул силу-

эт – слишком высокий, слишком тонкий, чтобы быть человеком. Но каждый раз, сделав шаг вперёд, он находил лишь пустоту.

Он двигался медленно, предосторожно, словно каждый шаг был пробной нотой, и ошибиться – значило сорвать всю мелодию мира. Его рука крепко сжимала фонарь, ладонь вспотела под перчаткой, а сердце отдавалось в висках ударами стальных молоточков.

Он знал, что боится. И впервые не стыдился этого. Потому что страх в этом месте был не слабостью, а фактором выживания.

Лиза шла чуть позади, снимая всё, что могла, но объектив отказывался фокусироваться, запотевал и она то и дело протирала его рукавом. В её голове роились десятки мыслей, но ни одна не могла отогнать чувство, будто это место не просто незнакомое, а чуждое для человека.

Но она продолжала снимать – из упрямства, из страха упустить что-то важное. Сердце её колотилось с силой, которую нельзя было объяснить просто адреналином: оно отзывалось на что-то древнее, доязыковое, спрятанное в генетической памяти.

– Как думаешь, долго нам ещё идти? – спросила она шёпотом, как будто слова могли потревожить нечто, скрывающееся по ту сторону тумана.

– Не знаю, – ответил Джек, не оборачиваясь. В его голосе слышались оттенки неуверенности и настороженности. – Главное – не терять друг друга.

Он чуть сбавил шаг и обернулся. В свете фонаря лицо Лизы выглядело бледным. Её глаза блестели от влажного воздуха и сдерживаемого волнения, а в уголках губ затаилась тревожная складка.

Он хотел добавить что-то ещё – банальное, но важное, вроде "мы справимся", – но не стал. Потому что чувствовал: любая бравада здесь прозвучит как вызов, а этот мир, каким бы он ни оказался, отвечает на вызовы.

Позади них проступали силуэты остальных членов команды. Майкл с планшетом в руках, непрерывно что-то фиксирующий; доктор Хэнсон, вышагивающий с трепетной остроткой человека, вступившего на священную землю; Анна, сжимавшая книгу так, словно она могла её защитить, шла, будто слышала в этом белом молчании отголоски слов, которые не слышит никто другой; Питер, пусть и не в силах ничего разглядеть, оглядывающийся вокруг; Сара, вни-

мательно наблюдающая за состоянием всех и Том, идущий уверенно, с оружием наперевес.

Туман за их спинами смыкался с той же вязкой эластичностью, с какой раскрывался, словно играл с незваными гостями – впуская, но не обещая выпустить. Всё выглядело размытым, как в покрытом испариной зеркале. Ландшафт оставался невидимым, но в этом зыбком "между" будто бы кто-то дышал – медленно, глубоко. И этот вдох ощущался кожей.

– Джек, – прошептала Лиза, задерживая шаг, – ты чувствуешь? Словно... здесь кто-то есть.

Он собирался ответить, но в этот момент туман дрогнул. Где-то далеко, едва различимо, словно в глубинах океана, раздался гулкий звук – нечто среднее между эхом и пульсом. Затяжной. Размеренный. И абсолютно нечеловеческий.

Джек остановился. За ним замерли и остальные.

Туман слегка шевельнулся, затем по нему пробежала рябь.

И снова всё стихло.

Он перевёл дух и посмотрел на Лизу. Она кивнула. С без-

молвной решимостью.

Переглянувшись, они продолжили путь.

Туда, где начинался новый мир.

Каждый шаг давался им всё труднее – не только физически, но и внутренне, словно сама их воля сталкивалась с невидимым сопротивлением. Почва под ногами становилась всё более рыхлой – сырая, липкая земля цеплялась за подошвы, будто стараясь удержать их, не пустить дальше.

Из тумана тянуло влажным мхом и прелью, в которой смешивались запахи земли и чего-то неуловимо инородного. Сырые корни, выползшие из почвы, напоминали застывших змей, и каждое прикосновение к ним отзывалось глухим покалыванием по коже, а невидимые камни были готовы в любой момент сбить их с ног.

Сквозь плотную пелену, будто с другой стороны запотевшего стекла, проступали силуэты – рассеянные, зыбкие. Они то приближались, то исчезали, словно наблюдая за пришельцами. Всё пространство вокруг казалось не просто искажённым – чужим, как сон, в котором ты осознаёшь себя, но не

контролируешь происходящее.

Доктор Хэнсон не отрывал взгляда от тускло мерцающей земли, в которой его сапоги утопали всё глубже с каждым шагом. Но больше всего его тревожило не это, а тишина – неестественная, хищная. Только звуки их шагов, тут же то-нущие в белом кисельном нигде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.